

СООБЩЕНИЯ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ П. Г. ЛЮБОМИРОВА

А. Погребинский

Необходимость изучения и всесторонней оценки научного наследства П. Г. Любомирова приобретает в настоящий момент актуальное значение.

П. Г. Любомиров написал большое количество исторических работ, главным образом из истории экономического развития и развития общественной мысли XVIII века. В этих сочинениях содержится много ценных фактических сведений, статистических данных; в них даётся подробное описание экономических районов, отраслей промышленности и отдельных мануфактур. Труды П. Г. Любомирова широко вошли в научный оборот: мимо них не может пройти ни один исследователь, изучающий историю промышленности крепостной России.

Но использование полезного вклада, который Любомиров внёс в советскую историческую науку, возможно только в свете последовательной и принципиальной марксистско-ленинской критики тех методологических принципов и приёмов, которые лежат в основе его работ. Совершенно назревшая необходимость всесторонней критической оценки исторического наследства Любомирова подчёркивается также и тем обстоятельством, что некоторые советские историки идеализируют Любомирова, неправильно определяют место, занимаемое им в русской историографии. Некоторые историки пытаются представить Любомирова марксистом и рекомендовать без всякой критики его научные труды¹. Стремление приписать марксистско-ленинские взгляды тому, кто их не имел, либо преувеличить близость к марксизму учёных, находившихся от него на значительном расстоянии, ничем не отличается от попытки искажения марксизма. А такая попытка не может не вызвать самого резкого отпора.

П. Г. Любомиров принадлежал к поколению историков, начавших свою научно-педагогическую деятельность в дореволюционном университете и завершивших её при советской власти. Любомиров закончил в 1910 г. исторический факультет Петербургского университета, здесь же он защитил магистерскую диссертацию и в 1915 г., получив звание приват-доцента по кафедре русской истории, приступил к преподаванию.

Петербуржскому университету Любомиров обязан углублённым историческим образованием, знанием источников, архивов и архив-

ного дела, знакомством с вспомогательными историческими дисциплинами. Но вместе с тем исторические кафедры Петербургского университета оказали влияние и на формирование научных взглядов П. Г. Любомирова.

В начале XX в. историко-филологический факультет Петербургского университета, находившийся под непосредственным наблюдением царского правительства, являлся очагом вполне «благонамеренной» официальной науки. Исторические кафедры возглавляли крупные буржуазные учёные, стоявшие на позициях идеализма. Наиболее крупными историками, возглавлявшими также состоявшееся при С.-Петербургском университете Историческое общество, были А. С. Лаппо-Данилевский, С. Ф. Платонов и Н. И. Кареев, отличавшиеся крайней консервативностью взглядов и враждебным отношением к марксизму.

На формирование П. Г. Любомирова как историка особенно большое влияние оказали С. Ф. Платонов, А. Е. Пресняков, А. С. Лаппо-Данилевский. Поэтому, повидимому, он и проявил особый интерес к истории XVII—XVIII веков. В предисловии к своей первой монографии, посвящённой Нижегородскому ополчению, Любомиров называет Платонова своим университетским учителем и выражает ему свою благодарность. «В его семинарии,— пишет Любомиров,— зародился у меня интерес к данной теме»².

Наряду с непосредственным воздействием на формирование научных взглядов Любомирова университетских учителей на него, бесспорно, повлияла и та общая идеологическая обстановка, которая сложилась в стране в тот период.

Начало XX в., ознаменованное широким распространением марксизма, огромной творческой и организующей деятельностью Ленина и Сталина как в области теории, так и в деле руководства массовым революционным движением, характеризовалось вместе с тем и активизацией буржуазных идеологических течений. Волна враждебных марксизму, консервативных и по существу антинаучных теорий с особой силой хлынула после революции 1905 года. Эпоха реакции способствовала попыткам возродить идеализм в самых различных отраслях научного знания.

¹ См. «Вопросы истории» № 12 за 1948 г., стр. 7.

² Любомиров П. Очерк истории Нижегородского ополчения, стр. X, Пгр. 1917.

В исторической науке одним из орудий борьбы с марксизмом явилось неокантианство и его новейшая разновидность — философия Риккерта. Противопоставляя естественным наукам исторические, Риккерт, как известно, утверждал, что в последних господствуют лишь частные, индивидуальные явления и неповторяемые события, не имеющие общих признаков и не поддающиеся обобщениям. Отсюда известное указание Риккерта на то, что в исторической науке господствует индивидуализирующий метод в отличие от метода генерализирующего, при помощи которого изучаются науки естественные³.

Задача исторической науки, по мнению Риккерта, сводится лишь к изучению отдельных разрозненных событий и фактов. Антинаучное отрицание принципа причинности и объективной закономерности в общественной жизни было доведено Риккертом до такой крайности, которой не было ни в одном из предшествующих идеалистических течений.

Однако при всей теоретической беспомощности этой философии, её неспособности к сколько-нибудь убедительным ответам на доводы марксистской критики риккертанство оказалось вполне приемлемым и своевременным для наиболее реакционного крыла русской буржуазной исторической науки эпохи империализма.

Влияние риккертанства сказалось не столько в популяризации теоретических основ этого направления, сколько в их практическом применении буржуазными исследователями⁴. Учение Риккерта освобождало буржуазных исследователей от необходимости делать выводы и принципиальные обобщения и обосновывало ту поверхностную описательность, которая была распространена в буржуазной исторической науке периода империализма.

Интерпретация задач исторического исследования в духе ограниченного фактособирательства, оценка исторического события как механического соединения отдельных, разрозненных, случайных фактов не только свидетельствовали о методологической беспомощности буржуазной науки, но и являлись орудием борьбы с материалистическим пониманием истории.

Наиболее откровенно и резко этот догмат апологетической буржуазной науки был впоследствии, уже в 1925 г., сформулирован акад. Богословским, который в предисловии к своей работе о Петре I писал: «Чтобы отчётливо знать какой-либо механизм, необходимо разобрать его на составляющие его части и изучить каждую из этих частей. Чтобы точно знать историческое событие, следует разложить его на

простейшие факты, из которых оно составилось, и изучить эти факты отчётливо. Меня преимущественно занимало разложение сложного факта на простейшие составные и отчётливое изображение последних»⁵.

М. Богословский не ограничился такой характеристикой своего научного кредо. В указанном предисловии он прямо подчёркивает своё пренебрежительное отношение к обобщениям и выводам. «Чем обобщение шире, — отмечал Богословский, — тем построить его легче. Но нет ничего труднее, как передать простой исторический факт вполне точно, т. е. вполне так, как он происходил в действительности, на самом деле»⁶.

Поверхностная описательность, неспособность к принципиальным выводам и обобщениям, присущие буржуазным общественным наукам, оказали большое влияние на Любомирова и определили содержание его работ и особенность исследовательских приёмов⁷.

Ранние произведения Любомирова совершенно отчётливо отражают глубокий кризис, который переживала буржуазная историческая наука начала XX века, отказавшаяся от признания закономерности общественной жизни и лишившая тем самым историю всякой научной основы.

Крайний идеализм был определяющей основой научно-исследовательской деятельности Любомирова, испытавшего на себе многочисленные влияния разнообразных течений буржуазной историографии. На всех его ранних произведениях лежит печать традиций и догматов государственной школы, которые он воспринял через посредство своего учителя Платонова. В известной степени обнаруживается в этих трудах также и влияние буржуазного социологизма Ключевского. Это влияние особенно усиливается в 20-х годах: в поисках новых, прогрессивных путей своего научного творчества Любомиров заимствовал, в первую очередь из арсенала буржуазно-социологической школы, ин-

⁵ Богословский М. Пётр I. Т. I. стр. 10—11. М. 1940.

⁶ Там же.

⁷ Чрезвычайно характерно то обстоятельство, что в области политической экономии борьба буржуазных апологетов против успешного распространения марксистско-ленинской теории также привела к отказу от объяснения общественных явлений и к ограничению задач науки одним только описанием. Тенденция так называемой «исторической» школы политической экономии, носившей реакционный, антисоциалистический характер, к подмене теоретического анализа накоплением сырого конкретного материала имела целью отвлечь внимание от тех острых политических выводов, которые неизбежно возникали при теоретическом анализе капиталистического хозяйства. П. Г. Любомиров был хорошо знаком и широко использовал работы виднейшего русского представителя «исторической» школы политэкономии И. М. Кулишера, представлявшие собой наиболее яркий образец ограниченного фактособирательства.

³ См. Риккерт Г. Философия истории, стр. 25—29. СПб. 1908.

⁴ Теоретические основы риккертанства в несколько видоизменённой форме излагались в курсе «Методологии истории» Лаппо-Данилевского. Пресловутое противопоставление наук идиографических наукам номотетическим, лежавшее в основе этого курса, полностью вытекало из учения Риккерта.

терес к экономической тематике и особое подчёркивание роли естественно-географического фактора.

Научно-педагогическая деятельность П. Г. Любомирова распадается на два периода: до Октябрьской социалистической революции и послереволюционный период.

В ранний период своей деятельности Любомиров написал несколько статей, посвящённых отдельным представителям русской церкви, и большую монографию о Нижегородском ополчении начала XVII века. Эти работы рисуют Любомирова как типичного представителя крайнего идеалистического направления в истории и отражают консерватизм его научных и общественно-политических взглядов. В них нет даже попытки подойти к широким социальным проблемам исторического прошлого. Всё внимание Любомирова приковано к отдельным, часто второстепенным, эпизодам русской истории XVII в., связанным с деятельностью представителей царствующей династии либо церкви, к мелким деталям и биографическим подробностям.

В статье «Легенда о старце Давиде Хвостове»⁸ Любомиров тщательно исследует вопрос о пребывании царя Михаила Фёдоровича в Макарьевском монастыре и о личности основателя этого монастыря — Давиде Хвостове. Любомиров с присущей ему обстоятельностью исследует вопрос о том, кем был Давид Хвостов и какую роль он сыграл для спасения молодого Романова накануне его избрания в цари.

Ещё более отсталый, консервативный характер носят ранние публикации Любомирова по истории старообрядчества⁹. В них содержатся подробные характеристики деятелей старообрядчества. С большой тщательностью Любомиров разбирает вопрос о различных, совершенно несущественных подробностях жизни этих «деятелей». Он полемизирует с историками старообрядчества по вопросу о... дате основания Преображенского кладбища (?). В целом в этих публикациях Любомиров выступает перед нами как историк старообрядческой религии в узком смысле слова. Недаром они и были опубликованы в поповском журнале «Старообрядческая мысль».

И позднейшие работы Любомирова о старообрядчестве, написанные уже в советское время, по своей направленности не на много отличаются от его ранних статей. Они не дают социально-экономической характеристики условий, в которых возник раскол в русской церкви, не вскрывают классовых корней старообрядчества, а направлены на подробное изучение различных группировок старообрядческой религии, изучение биографий многочисленных «деятелей» этого тече-

ния и т. п. Особенно невыгодное впечатление, с этой точки зрения, производит работа «Выговское общежитие» (Москва, Саратов, 1924). О том, что эта работа написана в узком историко-религиозном плане, свидетельствует всё содержание книги, её поповско-проповеднический стиль, преклонение автора перед различными «старцами» и «владыками». С усердием, достойным лучшего применения, Любомиров описывает в ней все подробности религиозной жизни монахов, приводит образцы различных «посланий» и «поучений» и т. п. Исключительно натуралистически, например, описывает он режим безбрачия в Выговском монастыре. Этой, с позволения сказать, «проблеме» автор отводит ряд страниц своей книги. Всё изложение ведётся не только без малейших попыток научной оценки истории старообрядчества, но даже с каким-то религиозным преклонением перед ним. Затхлой церковностью веет от этой работы Любомирова. Трудно поверить, что её писал историк в советское время.

Совершенно необоснованным поэтому является утверждение Н. Л. Рубинштейна, будто работы П. Г. Любомирова по истории раскола отражают его интерес к социальной тематике¹⁰. Ничего общего с научным исследованием жизни и борьбы народных масс эти работы не имеют. Хотя в статьях о расколе и старообрядчестве, помещённых в энциклопедическом словаре Гранат¹¹, Любомиров и пытается отметить общенациональную обстановку и установить внутренние причины, породившие раскол и старообрядчество, всё же они чрезвычайно далеки от правильной, научной оценки этих явлений.

Крайний консерватизм, полное игнорирование роли народных масс в истории — таковы характерные особенности исторических взглядов Любомирова в этот период.

Первой крупной исторической работой Любомирова, завершившей дореволюционный этап его научной деятельности, является «Очерк истории Нижегородского ополчения 1611—1613 гг.»¹². В этой монографии отчётливо отражены основные научные установки Любомирова и особенности его исследовательских приёмов. В «Очерке истории Нижегородского ополчения» собран богатый документальный материал. Автор его проявил основательное знакомство с предшествующей литературой вопроса. С этой точки зрения монография до настоящего времени не утратила своего значения. Но основная направленность этого труда и всё его содержание свидетельствуют о том, что Любомиров в своей оценке русской истории начала XVII в. недалеко ушёл от Платонова и других своих буржуазно-дворянских предшественников.

¹⁰ См. Рубинштейн Н. Русская историография, стр. 508. М. 1941.

¹¹ Энциклопедический словарь Гранат. Т. т. 35 и 41. Ч. 4-я.

¹² Первоначально работа была опубликована в «Журнале министерства народного просвещения» за 1913—1914 гг., затем вышла отдельным изданием в 1917 г. и была переиздана Соцэкгизом в 1939 году.

⁸ «Журнал министерства народного просвещения». Новая серия, XXXVI, декабрь 1911 года.

⁹ «Старообрядческая мысль» № 1 за 1912 г., статья «Новый историк старообрядчества», и № 9 за 1912 г., «Новые материалы по истории старообрядчества».

Своё исследование Любомиров начинает с экономической и географической характеристики Нижнего Новгорода, в котором впервые было организовано ополчение. Остановившись в первой главе на вопросе о составе нижегородского населения, автор рассматривает эту проблему целиком с официально-«государственной» точки зрения. Его интересует, какие категории населения являлись оплотом государственного «порядка» и могли оказать поддержку «законному» правительству и какие, напротив, представляли собой источник «смуты» и «волнений». Движение народных масс против своих угнетателей, борьбу крестьян против бояр и помещиков Любомиров называет «социальной смутой» в отличие от собственно «смуты», заключавшейся в борьбе различных претендентов на московский престол¹³.

В полном соответствии со взглядами своего учителя, Платонова, Любомиров считал, что борьба крестьянства против феодального гнёта приводила к разрушению государственного порядка и была глубоко враждебна интересам общественного развития. Здесь проявилась крайняя реакционность общественно-политических взглядов Любомира, стремившегося в этой работе обосновать благостность монархической власти. «Как это вполне естественно для эпохи распада государства, — писал Любомиров, — более понятные населению местные и даже чисто эгоистические интересы отдельных групп и лиц выступили на первый план к явному ущербу для государственного целого»¹⁴. Отмечая, что крестьяне захватывали у монастырей земельные участки, покосы, целые деревни, Любомиров называет это грабежом и разбоем. Вообще он далёк от признания самого факта существования общественных классов: он часто говорит о взаимоотношениях «власти» и «населения», рассматривая государство как надклассовую силу¹⁵.

¹³ См. Любомиров П. Очерк истории Нижегородского ополчения, стр. 28. Эти взгляды полностью вытекают из концепции Платонова, рассматривавшего народное движение в начале XVII в. как анархическое, разбойное начало, которому противопоставлялась самодержавная власть, носительница государственного порядка и общественного спокойствия.

¹⁴ Любомиров П. Указ. соч., стр. 109.

¹⁵ Наиболее обобщающая формула такой оценки государства была дана в эти годы А. С. Лаппо-Данилевским в докладе, прочитанном на международном историческом конгрессе в Лондоне. «В сущности, — заявил Лаппо-Данилевский, — идея государства отличается нормативным характером: она содержит понятие о том отношении, которое должно быть между государем и подданными, а не только понятие о принудительной власти, которую государство имеет над частными лицами» («Идея государства и главные моменты её развития в России со времён смуты и до эпохи преобразований», статья Лаппо-Данилевского в журнале «Голос минувшего» № 12 за 1914 г., стр. 5). Нельзя не заметить непосредственной связи между этой формулой и той исходной установкой о государственной

Вместе с тем Любомиров в «Очерке истории Нижегородского ополчения» отразил и другие влияния, идущие, повидимому, от буржуазно-социологической школы. Остановившись на истории возникновения Нижегородского ополчения, П. Г. Любомиров отмечает, что в его организации приняли участие различные слои русского населения. В работе Любомира подчёркнуто, что воззвания о создании ополчения писаны от лица всего нижегородского мира: «от властей (духовного чина), воевод и дьяков, разных чинов служилых людей, от старост, целовальников и всех посадских людей!»¹⁶. Руководящей силой в организации ополчения были, по мнению Любомира, посадские люди, поднявшие и другие слои нижегородского населения¹⁷. Эта же мысль проводится и в ряде других мест рассматриваемой книги.

В своей монографии Любомиров шаг за шагом проследивает, как созданное в Нижнем Новгороде ополчение росло и принимало общероссийский характер. В главе VII он отмечает, что в течение четырёхмесячного стояния ополчения в Ярославле к нему присоединилось население многих городов и оно сосредоточило вокруг себя около половины люда русских земель¹⁸.

Таким образом, Любомиров, и в этом его заслуга, показал и подчеркнул массовый характер поднятого нижегородцами движения за освобождение русской земли от иноземных оккупантов.

Однако не следует преувеличивать тот прогрессивный сдвиг, который мы наблюдаем в этом вопросе у Любомира. Нельзя согласиться с Н. Л. Рубинштейном, который в этом произведении Любомира усматривал «по существу иную постановку темы», чем у Платонова¹⁹. Любомиров в «Очерке истории Нижегородского ополчения» сочетал признание массового характера ополчения с основной идеей Платонова о смуте как о периоде нарушения и восстановления государственного порядка, носительницей которого являлась самодержавная власть. Решающей силой исторического процесса для Любомира являлась царская монархия, а не народ. Описывая созыв Земского собора, на котором был избран Михаил, он указывал: «Земля, истрадавшаяся без государя, спешила исполнить просьбы воевод-правителей, и в декабре начали приезжать в Москву народные избранные для выбора царя»²⁰.

Много лет спустя Любомиров признавал консерватизм тех исходных методологических позиций, которые были положены им в основу исследования Нижегородского ополчения. В одной из своих лекций, прочитанных в 1934 г., он отмечал, что эта работа «была написана с точки зрения тех историографических устремлений, которые

власти, которая лежала в основе монографии Любомира.

¹⁶ Любомиров П. Указ. соч., стр. 38.

¹⁷ Там же, стр. 51.

¹⁸ Там же, стр. 105.

¹⁹ Рубинштейн Н. Указ. соч., стр. 507.

²⁰ Любомиров П. Указ. соч., стр. 173.

были в то время»²¹. При этом Любомиров отмечал своё несогласие с теми историческими взглядами, которые сложились у него в молодые годы, и указал на то, что анализ общественных отношений, который содержится в «Очерке истории Нижегородского ополчения», является самым слабым местом книги.

Наибольшее развитие научно-исследовательской работы Любомирова относится ко второму периоду его деятельности — после 1917 года. Великая Октябрьская социалистическая революция произвела переворот в сознании русской интеллигенции, значительная и лучшая часть которой бесповоротно встала на сторону советской власти. Но процесс теоретического перевооружения старых научных кадров, даже тех, которые субъективно понимали необходимость овладения передовой, марксистско-ленинской методологией, был сложным и длительным.

Наряду с неуклонным ростом и успешным распространением марксистско-ленинских идей, наряду с разоблачением и разгромом враждебных антимарксистских течений в общественных науках, первые годы советской власти отмечены непрекращающимися вылазками буржуазных экономистов и историков, пытавшихся идеологически обосновать программу капиталистической реставрации. Наиболее реакционная часть буржуазной профессуры продолжала отстаивать свои старые позиции, ведя борьбу с марксизмом. Милоуков, Кизеветтер и другие представители реакционной буржуазной профессуры после Октябрьской социалистической революции эмигрировали за границу. Некоторые из буржуазных историков, не решавшиеся на открытое выступление против марксизма, пытались прикрыть свой научный консерватизм лживым лозунгом о «чистой», внепартийной науке, не зависимой от классово-политической борьбы. Очень характерно в этом отношении выступление С. Ф. Платонова в начале 1921 г., содержавшее прямой выпад против советской власти²².

Сложный процесс критической переоценки старых догматов буржуазной науки и теоретического перевооружения той части дореволюционных историков, которая субъективно стремилась стать на марксистский путь, в известной степени был затруднён также и тем, что сравнительно малочисленные марксистские кадры ещё не заняли решающих позиций во всех научных учреждениях и научных органах.

Говоря об идеологической обстановке 20-х годов, нельзя не отметить влияния на историков научной деятельности Н. А. Рожкова и М. Н. Покровского.

В исторических построениях Рожкова наиболее полно отразился вульгарный материализм, отрицавший диалектику и классовую борьбу. Будучи наиболее закончен-

ным представителем «экономического материализма», который он заимствовал у легальных марксистов 90-х годов, Струве и Туган-Барановского, Рожков развивал эту точку зрения в своих многочисленных дореволюционных исторических работах.

При советской власти научно-педагогическая деятельность Рожкова расширилась. Основные его произведения, в которых наиболее ярко подчёркнуты идеи «экономического материализма», — «Город и деревня в русской истории» и многотомник «Русская история в сравнительно историческом освещении» — после Октябрьской социалистической революции неоднократно переиздавались и использовались в преподавании. В этот период Рожков издал большое количество самых разнообразных учебников русской и всеобщей истории для средней и высшей школы, а также написал ряд исследовательских и методологических работ²³.

В последние годы жизни Рожков преподавал историю в многочисленных учебных заведениях Ленинграда и Москвы, а также руководил подготовкой аспирантов, что способствовало широкому распространению его антимарксистской концепции.

Борьба с антимарксистской концепцией Рожкова в 20-х и в начале 30-х годов велась в совершенно недостаточной степени. Этому способствовало то, что ведущее положение на историческом фронте в то время занимал М. Н. Покровский, являвшийся последователем теории «экономического материализма», от которой он полностью не отошёл до конца своей жизни²⁴.

Известно, что «школа» Покровского оказалась базой и прикрытием для антимарксистской и прямой вредительской деятельности врагов народа на фронте исторической науки. Вместе с тем распространение исторических взглядов Покровского и его «школы», несомненно, задержало процесс перестройки той части историков старой формации, которая честно и искренно стремилась найти новые, прогрессивные пути в своём научном творчестве. С другой стороны, господство этой школы облегчало поверхностное приспособление к советской науке тех учёных, которые, по существу, оставались на старых позициях. Многие из старых учёных, стоявших на позициях буржуазно-социологической школы Ключевского—Виноградова, вместо марксизма и под видом марксизма воспринимали принципы «экономического материализма» в их наиболее примитивной, вульгарной интерпретации. Подлинное марксистское перевооружение подменялось переходом к экономической тематике, исследованием, а иногда и просто описанием отдельных экономических явлений и процессов.

После Октябрьской социалистической революции методология и научные взгляды Рожкова — Покровского, несомненно, ока-

²¹ См. предисловие к «Очерку истории Нижегородского ополчения 1611—1613 гг.», стр. 4. Совязгиз. 1939.

²² См. «Дела и дни» — Исторический журнал № 2 за 1921 г., стр. 133.

²³ См. библиографию трудов Рожкова в статье К. В. Сивкова. «Учёные записки» Института истории РАНИОН. Т. V. М. 1929.

²⁴ См. двухтомник «Против исторической концепции М. Н. Покровского». М. 1939, особенно статью А. М. Панкратовой.

зали большое влияние на П. Г. Любомирова.

В 20-е годы научно-педагогическая деятельность Любомирова развернулась в стенах Саратовского университета, где он с 1920 по 1930 г. заведывал кафедрой русской истории. В течение этого времени он написал ряд очерков экономики отдельных районов России и истории русской общественной мысли XVIII века. В 1924 г. Любомиров получил длительную командировку в Ленинград для изучения архивных фондов в Мануфактур-коллегии и Мануфактур-контроле. В отчёте о результатах этой командировки Любомиров отмечал, что необходимость изучения экономической истории «всё настойчивее подчёркивается современными устремлениями в нашей историографии»²⁵.

Исследовательские работы Любомирова этого периода отражают некоторый шаг вперёд по сравнению с его дореволюционными трудами. Этот этап его научной деятельности характеризуется отказом от прежних, консервативных взглядов. В работах, написанных в 20-е годы, нет характерного для его дореволюционных трудов враждебного отношения к массовым движениям. В некоторых своих экономических очерках П. Г. Любомиров высказывает ряд правильных мыслей и соображений. Однако переход к экономической тематике отнюдь не означал для Любомирова признания марксизма-ленинизма и тем более овладения им. Экономические очерки, написанные в 20-х годах, в значительной степени носят описательный характер. Эти работы не объединены какими-нибудь общими, последовательно развивавшимися идеями.

В начале 20-х годов Любомиров опубликовал статью «Нижнее Поволжье за 150 лет»²⁶, представлявшую подробное историко-географическое описание Саратовщины. К этому же периоду относится и ряд других локальных очерков Любомирова, касающихся истории отдельных экономических районов страны либо отраслей промышленности²⁷. Эти работы, написанные со свойственной Любомирову обстоятельностью, представляют собой полезный вклад в экономическую историю нашей страны. В них собран интересный, тщательно проверенный фактический материал, освещены неко-

торые малоизвестные эпизоды из промышленной истории России XVIII в., высказаны отдельные правительные и интересные суждения. Но отсутствие чётких исходных теоретических позиций у Любомирова не могло, конечно, не сказаться на ценности его историко-экономических очерков. Они оказались недостаточно целеустремлёнными, лишёнными обобщающих идей и принципиальных выводов.

В работе «Ткацкая промышленность Астрахани» Любомиров на основании многочисленных архивных документов и опубликованных источников дал всестороннюю картину появления, развития и упадка этой отрасли промышленности в Астрахани. Он показал, что распространение текстильных, главным образом шёлкоткацких, мануфактур было обусловлено, с одной стороны, торговыми связями Астрахани с восточными странами, откуда привозился шёлк-сырец, с другой — наличием широкого рыночного спроса. Отдалённость Астрахани от важнейших центров русской текстильной промышленности способствовала развитию местного производства. Некоторые суждения, высказанные Любомировым в этой статье, касаются проблем, имеющих важное принципиальное значение. Он приводит интересные данные об источниках комплектования ткацких мануфактур рабочей силой. Помимо крепостных здесь применялся труд вольнонаёмных, которые опутывались долгой кабалой и постепенно попадали в полную зависимость от владельцев промышленных предприятий. Заслуживают внимания отрывочные сведения о существовании домашних промыслов в Астрахани и их постепенном подчинении владельцам мануфактур²⁸.

Но ценность этого, насыщенного фактами и цифрами очерка значительно снижается тем, что исходные теоретические представления автора об экономических явлениях и процессах, о которых идёт речь в работе, носят крайне неопределённый, сумбурный характер. Только основываясь на учении Маркса — Ленина о простой кооперации и мануфактуре, Любомиров смог бы систематизировать и обобщить тот большой фактический материал об астраханских мануфактурах, который содержится в этой статье.

В экономических очерках Любомирова, написанных в 20-х годах, говорится о «мануфактурах», «фабриках», но автор нигде не даёт чёткого научного определения этих понятий. В очерке о ткацкой промышленности Астрахани Любомиров отмечает, что возникшие при Петре мануфактуры представляли собой «более крупные и иначе организованные, чем то было прежде, формы промышленных предприятий»²⁹. В этой же статье он пытается установить различие в понимании терминов «мануфактура», «фабрика» в XVIII и XX веках. Однако он исходит не из научного, установленного мар-

²⁵ «Учёные записки» Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. Т. III. Вып. III, стр. 102. Педагогический факультет. Саратов. 1925. Самая формулировка этого заявления говорит о том, что «современные устремления в историографии» были для Любомирова чем-то далёким, наносным и недостаточно осознанным.

²⁶ См. журнал «Нижнее Поволжье» № 1 за 1924 год.

²⁷ «Ткацкая промышленность Астрахани в XVIII и первой половине XIX века» (1925); «Первые 10 лет существования Иркутской казённой фабрики, 1793—1802 гг.» (1925). Все работы, опубликованные первоначально в различных журналах, вошли в «Очерки по истории русской промышленности» (М. 1947).

²⁸ См. Любомиров П. Очерки по истории русской промышленности, стр. 638, 641, 648, 649. М. 1947.

²⁹ Там же, стр. 633.

ксистской теорией определения, а из вульгарного, обывательского понимания³⁰.

Статья «Первые 10 лет существования Иркутской казённой суконной фабрики» представляет собой исследование отдельного эпизода промышленной истории нашей страны конца XVIII века. В ней приведены данные об организации производства на одной из суконных мануфактур того времени, её производительности, об условиях труда и быта рабочих.

Более широкий характер носит статья Любомирова о шёлкоткацкой промышленности России в середине XVIII века. Эта статья начинается с исторической справки, в которой приведены разносторонние сведения о возникновении и географическом размещении шёлкоткацких мануфактур в России. В работе даётся характеристика шёлкоткацкой промышленности в середине XVIII в., подробно описываются количество мануфактур, размеры и рентабельность производства, ассортимент и качество вырабатываемых изделий, указывается социальный состав владельцев предприятий и т. п. Наиболее интересна четвёртая глава, в которой выясняется характер рабочей силы, применявшейся на мануфактурах в середине XVIII века. Вопрос этот тесно связан с более широкой дискуссионной проблемой о социальной сущности русских мануфактур в середине XVIII века. Фактические данные, собранные Любомировым по этому вопросу, свидетельствуют о том, что к середине XVIII в. на шёлкоткацких мануфактурах было уже более одной трети вольнонаёмных рабочих³¹.

В 1930 г. Любомиров переехал в Москву и начал научно-педагогическую работу в Институте истории, философии и литературы, Государственном Историческом музее и в некоторых других учебных заведениях и научных организациях. Последний, московский, период деятельности П. Г. Любомирова, хотя и был кратковременным³², вместе с тем являлся наиболее насыщенным и плодотворным. На последние годы жизни Любомирова падает реализация широко задуманного им плана написания истории русской промышленности XVIII и первой половины XIX века. По замыслу автора, она должна была состоять из пяти частей. Любомирову удалось написать лишь первую часть, посвящённую организационной структуре промышленных предприятий, и первый выпуск второй части — о географическом размещении металлургической и металлообрабатывающей промышленности. Эти очерки, представляющие наиболее важную часть научного наследия Любомирова, были выпущены отдельными изданиями в 1930 и 1937 годах³³.

Опубликованные разделы задуманной Любомировым истории промышленности пользуются заслуженной известностью. Их главное достоинство заключается в богатстве собранного и всесторонне проверенного фактического материала. В очерках даётся картина состояния русских мануфактур по отдельным отраслям промышленного производства, сообщается ряд ценных сведений о технике и организации производства, приводится ряд примеров, характеризующих развитие домашних крестьянских промыслов.

В работе «Организационная структура промышленности» значительно уточнены исходные представления Любомирова о мануфактуре, которая здесь рассматривается как крупное предприятие, основанное на ручной технике и разделении труда. Это было значительным шагом вперёд по сравнению с трактовкой этого вопроса, данной П. Г. Любомировым в 20-х годах. Вместе с тем он до конца своей жизни не стал на позиции марксистского понимания мануфактуры³⁴.

В своём обобщающем труде Любомиров целиком стоял на позициях примитивного экономизма. Целевая установка исследования носила крайне ограниченный характер. В «Организационной структуре промышленности» Любомирова интересовал главным образом вопрос о степени распространённости централизованных мануфактур.

При определении задач исследования П. Г. Любомиров опирался на предшествующую буржуазную историческую литературу вопроса. Он ссылался на Туган-Барановского, Кулишера и других буржуазных историков³⁵. Не случайно П. Г. Любомиров не упоминает в этом исследовании ни о Марксе, ни о Ленине. В его очерках нет формулировки основных задач, стоящих перед историком мануфактурного производства России XVIII века. Проблема исследования различных форм русской мануфактуры, определения её социальной природы, установления процесса перехода от крестьянских промыслов к мануфактуре не была поставлена автором «Очерков» в те чёткие методологические рамки, которые могли бы значительно облегчить и в то же время придать целеустремлённый, научный характер всему дальнейшему изучению. Этим объясняется крайняя ограниченность выводов автора. В итоговой главе Любомиров отмечал, что в большинстве отраслей промышленности господствовала «централизованная мануфактура с широко проведённым разделением труда»³⁶. Вместе с тем, приведя значительный описательный материал о крестьянских

³⁰ См. Любомиров П. Очерки по истории русской промышленности, стр. 636, 637.

³¹ Там же, стр. 594.

³² П. Г. Любомиров умер в декабре 1935 года. — А. П.

³³ Эти работы переизданы в сборнике «Очерки по истории русской промышленности».

³⁴ Мною уже высказывалось предположение, что представление о мануфактуре сложилось у Любомирова не на основе изучения марксистско-ленинской концепции, а заимствовано им у других авторов, в частности у Туган-Барановского (см. «Вопросы истории» № 12 за 1947 г., стр. 107).

³⁵ См. Любомиров П. Очерки по истории промышленности, стр. 726.

³⁶ Там же, стр. 263.

промыслах, он не показал, что на базе их разложения возникла главным образом мануфактура капиталистического типа.

Поскольку автор не заинтересовался выяснением социальной природы описанных им промышленных предприятий мануфактурного типа и не проанализировал тех внутренних социально-экономических процессов, на базе которых они возникали и развивались, неубедительно звучит и его заключительный вывод, что «нельзя пройти мимо XVIII века в поисках генезиса русского промышленного капитализма»³⁷.

Другой крупный очерк П. Г. Любомирова — о географическом размещении металлургической и металлообрабатывающей промышленности — написан им целиком в плане историко-статистического описания.

Для характеристики историко-экономических взглядов П. Г. Любомирова значительный интерес представляет его большая статья о крепостной России XVII—XVIII вв., помещённая в энциклопедическом словаре Гранат. Первый раздел этой статьи, содержащий подробную порайонную характеристику экономики крепостной России XVII в., даёт отчётливое представление о характере сельского хозяйства в различных частях Московского государства, о промышленных центрах страны, об эксплуатации природных богатств и колонизации южных окраин и Сибири. В дальнейших разделах Любомиров даёт оценку классовой структуры русского общества, излагает внутреннюю и внешнюю политику государственной власти в различные периоды истории XVII—XVIII вв. и даёт характеристику экономического развития России в XVIII веке.

Эта работа Любомирова касается важнейших стержневых проблем истории XVIII в. и поэтому не могла не отразить принципиальных методологических установок автора, его научного миропонимания. С другой стороны, в силу того, что эта статья была предназначена для энциклопедического словаря, она носила более обобщающий характер, чем прочие труды Любомирова. Всё это подтверждает необходимость особенно детального разбора этой работы.

В этой статье сказалось влияние на автора не марксистских идей, а псевдомарксистской «теории» торгового капитализма Покровского. Такое влияние обнаруживается как в отдельных замечаниях автора о социально-экономических отношениях, классах русского общества, характере государственной власти, так и в общей концепции П. Г. Любомирова. Центральной мыслью статьи является утверждение, что уже в XVII в. торговый капитал становится господствующей силой экономической и политической жизни русского общества. Отметив решающую роль купечества в организации мануфактурного производства XVII в., П. Г. Любомиров формулирует следующий вывод: «Так рядом с дворянством вырастает значение торгового капитала. И по мере того, как он внедряется в деревню и начинает эксплуатировать поме-

щичьих крестьян, и в связи с тем, что в сфере производства он выступит конкурентом сложного хозяйства крупной вотчины и заявит требования на вольный труд, в зависимости от этого будут зарождаться семена враждебных столкновений господствующих в государстве сил»³⁸.

Любомиров исходил из совершенно неправильной, целиком заимствованной у Покровского сценки классовой структуры русского общества, когда утверждал в этой статье, что боярство и дворянство — это не отдельные прослойки единого класса феодальных землевладельцев, а совершенно различные общественные классы. Дворянство и буржуазия, продолжает он, к этому времени заключают друг с другом союз для совместной борьбы против старой знати³⁹.

Вся внешняя политика царского правительства во второй половине XVII в., по мнению Любомирова, определялась интересами торгового капитала. Торговый капитал господствовал как в хозяйстве, так и в политической жизни страны, считал Любомиров, причём вслед за Покровским полагал, что эпоха торгового капитала пришла в XVII в. на смену феодальным отношениям и ликвидированному феодальному классу — боярству.

Таким образом, Любомиров в последние годы своей жизни подпал под губительное влияние антимарксистских взглядов Покровского, полностью усвоив порочную «теорию» торгового капитализма. Поэтому в этой его статье причудливо перепелились свойственный ему метод описания отдельных, разрозненных явлений и фактов с крайним историческим схематизмом Покровского.

В полном соответствии со взглядами Покровского оценивал Любомиров и петровские реформы. Детально разбирая последние, он пришёл к выводу, что преобразования Петра I увеличили тяготы, лежавшие на крепостном крестьянстве, и в то же время поставили между помещиком и крепостным государственную власть. Подушное обложение крестьянства и ограничение некоторых прав помещиков по отношению к крепостным свидетельствовали, по мнению Любомирова, что реформы Петра, «очевидно, имели в виду на первом месте удовлетворение недворянских интересов»⁴⁰. В начале XVIII в. резко ухудшилось также и положение духовенства, так как государственная власть установила строгий контроль за всеми церковными и монастырскими доходами, она вмешивалась в церковное управление. Любомиров указывал, что петровские

³⁸ Энциклопедический словарь Гранат. Т. 36. Вып. III, стб. 511.

³⁹ Там же, стб. 503. «Взаимно дополняющие друг друга, — писал Любомиров, — эти классы — дворянство и буржуазия — имели общих, хотя и в особой сфере для каждого, врагов — господствующие силы поры расцвета феодализма, т. е. боярство, уже ликвидированное как класс в XVII веке, и (феодальную) церковь, различные привилегии которой как раз теперь сокращались».

⁴⁰ Там же, стб. 563.

³⁷ Любомиров П. Очерки по истории промышленности, стр. 267.

реформы противоречили интересам дворянства и церкви и вызвали разрыв крестьян. По мнению Любомира, «торговый капитал» был единственной силой, выигравшей от этих реформ, причём он подчёркивал, что государство «при Петре получило буржуазный оттенок»⁴¹.

Такое утверждение прямо вытекало из известного тезиса Покровского о петровской монархии как политической надстройке «торгового капитализма» и находилось в полном противоречии со сталинской характеристикой петровской России как национального государства помещиков и торговцев. Вся внутренняя экономическая политика, дипломатия и войны Петра I, с точки зрения Любомира, диктовались интересами торгового капитала⁴². Любомир считал, что во второй половине царствования Петра I торговый капитал особо почувствовал прочность своего положения и в связи с этим «энергично шёл на строительство промышленности»⁴³.

Характеризуя деятельность Петра I в области распространения технических культур в сельском хозяйстве и его заботы о сохранении лесов, Любомир заключает: «И всё это в конечном счёте хорошо гармонировало с интересами буржуазии, ведя к созданию больших масс или лучшего качества товаров на рынке. И стремление к высвобождению личности крестьянина из-под власти помещика было не специальным нападением на дворянство, но связано с теми же интересами буржуазии»⁴⁴.

В оценке послепетровского периода истории России Любомир также в значительной степени остался на позиции Покровского. Царствование Анны Ивановны, по мнению Любомира, характеризовалось поворотом во всей внутренней политике государственной власти. «Наступил период полной дворянской реакции в ответ на политику Петра»⁴⁵, — писал он. Что касается периода царствования Елизаветы, о котором Покровский говорил как о «националистической реакции», пришедшей на смену засилью немцев, то Любомир только несколько смягчил эту характеристику, отметив: «Национальный характер правительства Елизаветы надо принимать с определёнными оговорками»⁴⁶.

⁴¹ Там же, стб. 566.

⁴² М. Покровский по поводу реформ центрального и местного управлений, проведённых Петром, писал: «Воля торгового капитализма принесла с собою нечто необычное для московской России — буржуазную администрацию» (см. «Русская история с древнейших времён». Т. II, стр. 213. М. 1933). В другом месте Покровский писал: «Торговый капитализм в качестве обличителя стоит в начале реформы, в качестве наставника замыкает её» (там же, стр. 227).

⁴³ Энциклопедический словарь Гранат. Т. 36. Вып. III, стб. 568.

⁴⁴ Там же, стб. 572.

⁴⁵ Там же, стб. 580. (Даже самый термин «дворянская реакция» здесь заимствован у Покровского. — А. П.).

⁴⁶ Там же, стб. 587. Ср. Покровский М.

Во взглядах на классовую подоплёку царствования Елизаветы Любомир несколько отошёл от Покровского, утверждая, что в этот период осуществлялся своеобразный компромисс «между дворянством и буржуазией»⁴⁷.

Собрав большой фактический материал, характеризовавший экономическое развитие России в середине XVIII в., Любомир не мог присоединиться к совершенно бездоказательному, оторванному от фактов тезису Покровского, что в царствование Елизаветы «буржуазные наслоения первых лет XVIII в. были смыты теперь основательно» и что при Екатерине II «туземному капитализму пришлось начинать приблизительно с того же, с чего начала петровская Россия»⁴⁸.

В изображении екатерининского периода истории России наиболее ярко сказались неясность и эклектизм взглядов Любомира. Здесь его вполне правильные замечания переплетаются с необоснованными суждениями и надуманными характеристиками. Хотя Любомир в этом случае отошёл от схем Покровского, самый принцип крайнего схематизма в оценке отдельных явлений и социальной природы этого царствования сохранился. В полном отрыве от фактов П. Г. Любомир, например, секуляризацию монастырских земель, проведённую Екатериной, характеризовал как «начало раскрепощения крестьянства»⁴⁹. В действительности эта мера, как известно, была проведена в интересах дворянства.

Правильно отмечая развитие капиталистических элементов, усиление влияния буржуазии в царствование Екатерины II, П. Г. Любомир вместе с тем недооценивает того, что политика Екатерины и екатерининская монархия всегда носили дворянский характер. По его мнению, только в годы пугачёвского восстания «перед лицом крайней опасности был заключён «союз» дворянства и верховной власти»⁵⁰.

Рассуждения Любомира то о меньшем, то о большем приближении политики Екатерины к запросам дворянства противоречивы и, повидимому, являются отголоском его прежних представлений о государстве как о надклассовой силе⁵¹.

Наиболее содержательной и правильной является та часть статьи Любомира, которая посвящена экономике крепостной России середины XVIII века. Если можно говорить об известном влиянии марксистско-ленинских идей на историческое наследие Любомира, то оно проявилось именно в этой части его монографической работы.

Русская история с древних времён. Т. IV, стр. 20. М. Изд. «Мир».

⁴⁷ Там же, стб. 589. В дальнейшем изложении Любомир несколько раз повторяет мысль о «перемирии между кучеством и дворянством», якобы установившемся в царствование Елизаветы (стб. 690—691).

⁴⁸ Покровский М. Русская история с древнейших времён. Т. III, стр. 48. М.: 1933.

⁴⁹ Энциклопедический словарь Гранат. Т. 36. Вып. III, стб. 694.

⁵⁰ Там же, стб. 719.

⁵¹ См. там же, стб. 706—712.

В этом разделе Любомиров делает ряд ценных замечаний принципиального характера. Особенно важное значение имеют его данные и выводы о дифференциации крестьян в XVIII в. и выделении из его среды, с одной стороны, скупщиков и владельцев мануфактур, с другой — нишей голытьбы — бочих мануфактур. Исходя из этого, П. Г. Любомиров отмечал, что зарождение капиталистической мануфактуры в России относится к середине XVIII века. «Конечно, — писал он, — удельный вес этих капиталистических предприятий был не велик: во многих купеческих фабриках и заводах мы видим приписных или купленных, иногда и тех и других рабочих, с другой стороны, во всякий наёмный по форме рабочий был состоящим вольнонаёмным, но важно отметить зарождение новых явлений»⁵².

В этой же части статьи мы находим ряд интересных сведений и соображений о развитии торговли в середине XVIII в., о крестьянских мануфактурах, об экономике отдельных районов. Заслуга П. Г. Любомирова заключается в том, что он не прошёл мимо тех существенных изменений, которые происходили в экономике страны в середине XVIII в., мимо тех ростков капитализма, которые рождались в тот период⁵³.

Но и эта, лучшая часть статьи П. Г. Любомирова совершенно не развёрнута, а ограничена несколькими беглыми замечаниями, не связанными ни с предшествующим, ни с последующим изложением. К тому же П. Г. Любомиров и здесь не указывает, в какой связи находятся сделанные им замечания о крестьянских промыслах с ленинским учением о трёх стадиях развития капитализма в промышленности, и не формулирует задач, стоящих перед исследователем мануфактурного производства в России.

Анализ фактического материала, накопленного Любомировым, совпал с ленинскими указаниями о роли разлагающихся крестьянских промыслов в формировании мануфактуры. Однако на основании этих нескольких принципиально правильных замечаний Любомирова нельзя делать далеко идущие выводы об изменении его научных взглядов либо говорить о его близости к марксизму. Статья о крепостной России в XVIII в., взятая в целом, свидетельствует о крайней противоречивости взглядов Любомирова, она подтверждает то, что он главным образом исходил из пресловутой «теории» торгового капитализма Покровского.

Для полной оценки творческого наследия и характеристики развития научного мировоззрения Любомирова необходимо также отметить и его работы по истории русской общественной мысли. К числу таких относятся прежде всего статьи о Радищеве и Щербатове, написанные в 20 —

30-х годах. Если не считать дореволюционных трудов, нигде так ярко не сказалось влияние буржуазной методологии Любомирова, непонимание им общественного движения и классовой борьбы в России XVIII в., стремление уйти от широких принципиальных проблем исторического прошлого, как в его статьях о Радищеве. В большинстве из них Любомиров не выходит за рамки присущего ему формально-описательного метода. Он подробно описывает отдельные, чаще всего второстепенные, факты из жизни Радищева, детально изучает его генеалогию, занимается текстологическим анализом некоторых сочинений Радищева, но оставляет в стороне разбор и оценку общественно-экономических взглядов и политической программы этого выдающегося революционного демократа конца XVIII века.

В статье «Род Радищевых», напечатанной уже после смерти Любомирова⁵⁴, с исключительной тщательностью излагается личная характеристика многочисленных представителей рода Радищевых, сообщаются подробности их жеманности, описываются мелкие бытовые эпизоды и т. д. В центре этого кропотливого генеалогического изыскания стоят мелкие, несущественные детали, не имеющие сколько-нибудь серьёзного познавательного значения. Вместе с тем социальная среда, в которой жил и воспитывался Радищев, показана крайне бледно и невыразительно.

Такой же характер носит и другая работа П. Г. Любомирова — «Автобиографическая повесть А. Н. Радищева»⁵⁵, в которой всё внимание автора приковано к внешним, бытовым подробностям личной жизни Радищева. Анализируя опубликованное М. И. Сухомлиновым произведение А. Н. Радищева «Филарет Милостивый», П. Г. Любомиров доказывает его автобиографический характер. В нём ни слова не сказано о Радищеве как о крупнейшем общественном и политическом деятеле конца XVIII века. Можно только удивляться тому, как, анализируя автобиографическую повесть Радищева, Любомиров сумел обойти этот важнейший сюжет.

Таким образом, в этих статьях о Радищеве Любомиров целиком следует традициям буржуазной историографии: в них не дан подлинный, правдивый образ великого революционера. Радищев в них оторван от социально-экономических условий русского общества и классовой борьбы конца XVIII века. Только более поздние статьи Любомирова по истории общественной мысли отражают заметный прогрессивный сдвиг в его мировоззрении. Так, в разобранной мною статье в энциклопедическом словаре Гранат он даёт характеристику революционно-политических взглядов Радищева более правильную и полную, чем в предшествующих сочинениях. Радищев характеризуется здесь как материалист, рево-

⁵² Энциклопедический словарь Гранат, стб. 616.

⁵³ Эти замечания Любомирова имеют важное значение и перекликаются с дискуссией о социальной природе русской мануфактуры, которая происходила на страницах «Вопросов истории» в 1947 — 1948 годах.

⁵⁴ Сб. «А. Н. Радищев. Материалы и исследования». М.-Л. 1936.

⁵⁵ «Звенья». Вып. III—IV. М.-Л. 1934.

люционер, сторонник крестьянских интересов⁵⁶.

В статье «Описание моего владения» Любомиров делает попытку путём тщательного текстологического анализа показать развитие антикрепостнических взглядов Радищева⁵⁷. Однако здесь наглядно обнаруживается неосведомлённость Любомирова в марксистской политической экономии. Анализируя экономические подсчёты Радищева, Любомиров не отличал основного капитала от постоянного, переменного от оборотного⁵⁸.

Положительное впечатление производит статья Любомирова, посвящённая М. М. Щербатову. Эта одна из его последних предсмертных работ показывает прогрессивный сдвиг в его методологии и научном мировоззрении⁵⁹. В отличие от своих публикаций о Радищеве П. Г. Любомиров в этой работе даёт подробную и в основном правильную характеристику социально-экономической обстановки крепостной России во второй половине XVIII века. Его внимание здесь сосредоточено не на второстепенных биографических деталях, а на широких принципиальных особенностях деятельности Щербатова как дворянского публициста, политического деятеля и историка.

Общая оценка П. Г. Любомирова как историка и определение его места в русской историографии затруднены одним обстоятельством: Любомиров не исходил из какой-нибудь единой законченной системы исторических взглядов. На всех этапах научной деятельности Любомирова непоследовательность и эклектизм были характерной особенностью его исторического мировоззрения. Ни в одном из своих научных трудов он не изложил своей научной концепции в целом, не сформулировал даже тех принципиально методологических позиций, с которыми вёл изучение того или иного вопроса. Даже в последние годы своей деятельности, когда в его взглядах и научных трудах обнаружались известные прогрессивные сдвиги, он ни разу не отметил, какие методологические принципы им отныне принимаются, не охарактеризовал своего нового научного кредо.

Однако сделанный обзор основных исторических сочинений Любомирова позволяет прийти к некоторым общим выводам о роли его литературного наследства и развитии его исторических взглядов.

П. Г. Любомиров, выступивший в своей дореволюционной научной деятельности как представитель буржуазного, идеалистического направления в исторической науке, после Октябрьской социалистической революции стошёл от некоторых своих наиболее консервативных взглядов и изменил

тематику своей исследовательской работы. Но он до конца своей жизни не сумел преодолеть буржуазных методологических позиций. До конца жизни у Любомирова не сложилась цельная научная концепция исторического процесса. Бесспорное влияние на тематику и содержание послереволюционных трудов Любомирова оказала школа «экономического материализма» Рожкова и особенно Покровского.

Научная значимость отдельных работ Любомирова, даже отдельных разделов этих работ, очень неравноценна. Наиболее важное значение имеют его послереволюционные работы, посвящённые истории промышленности крепостной России XVII—XVIII веков. Исследуя в порайонном и отраслевом разрезе экономику страны на протяжении почти двух столетий, Любомиров с исключительной тщательностью и обстоятельностью обрисовал положение промышленности мануфактурного типа и многих отдельных предприятий. Огромный фактический, хорошо проверенный материал, содержащийся в его трудах, представляет собой известную ценность для исторической науки.

Вместе с тем анализ важнейших сочинений Любомирова и обзор развития его научных взглядов свидетельствуют о полной несостоятельности, грубой ошибочности попыток причислить Любомирова к числу учёных, успешно овладевших диалектическим материализмом, близких к марксизму.

Выступая на философской дискуссии, А. А. Жданов подчеркнул необходимость преодоления буржуазного объективизма и примиренчества в теоретической работе. Советская наука, пронизанная духом большевистской партийности, должна носить боевой, наступательный характер, разоблачая гниль и беспомощность буржуазных учений⁶⁰. Тот факт, что за последние годы Институтом истории Академии наук СССР выпущен ряд ошибочных, а иногда и просто порочных, антимарксистских трудов, с особой остротой подчёркивает необходимость марксистского критического разбора буржуазно-исторического наследства, разоблачения и идейного разгрома буржуазной методологии истории во всех её проявлениях.

Задача заключается не только в разоблачении вредных, антимарксистских концепций, но и в преодолении тех пережитков буржуазной методологии, которые задерживают успешное развитие советской исторической науки. Одним из таких довольно распространённых, к сожалению, пережитков является тенденция ограничения задач исторического исследования одним только собиранием фактов и их описанием.

Советская историческая наука не отказывается от литературного наследства Любомирова; она пользовалась и будет пользоваться тем большим, разносторонним материалом, который содержится в его трудах. Советские исследователи не пройдут мимо тех отдельных ценных мыслей, которые

⁵⁶ Энциклопедический словарь Гранат. Т. 36. Ч. 3-я, стб. 745.

⁵⁷ Сб. «А. Н. Радищев. Материалы и исследования».

⁵⁸ См. там же, стр. 205.

⁵⁹ Щербатов М. Неизданные сочинения. М. 1935. Вступительная статья.

⁶⁰ См. «Вопросы философии». Т. I за 1947 год, стр. 256—272.

высказал Любомиров в последний период научной деятельности. Но вместе с тем перед советской исторической наукой стоит задача идейного разоблачения и разрома тех реакционных положений, которые содержатся в ранних трудах Любомирова, а также критического преодоления буржуазного принципа голой и ограниченной описательности, характерного для всего его научного наследства в целом. Наряду с исследованием и изучением статистических данных и всевозможных сведений, наряду с

установлением новых, доселе не известных фактов советские историки пойдут по пути всестороннего анализа и обобщения всего накопившегося конкретного материала.

Вооружённые могучим, всеубеждающим учением Маркса—Ленина—Сталина, советские учёные должны поднять на новую, высшую ступень изучение истории промышленности нашей страны, сочетая богатство и всесторонность конкретного фактического материала с широкими направляющими идеями и принципиальными выводами.

О РУССКИХ БУРЖУАЗНЫХ ИСТОРИКАХ АНГЛИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ

Ф. Полянский

Уже давно стала актуальной для наших медиевистов задача критической оценки литературного наследства русских буржуазных историков и прежде всего в вопросах экономической истории средневековой Англии. Именно на разработке этих проблем в своё время сложилась в русской науке целая школа Виноградова—Савина—Петрушевского, влияние которой сказывается и сейчас. Некритическое отношение наших медиевистов к этой школе привело к проникновению в советскую историческую литературу враждебных марксистов влияния буржуазной историографии Запада.

Яркий пример совершенно неправильного отношения советских медиевистов к этой школе представляет сборник «Средние века» № 2, выпущенный Институтом истории Академии наук в 1946 году. В редакционной статье этого сборника прямо сказано, что Петрушевский «воспитал целую школу историков-марксистов», работающих в настоящее время в Академии наук и «с гордостью носящих имя учеников Петрушевского». Вывод о том, что Петрушевский дал «блестящий анализ строя английской средневековой деревни», мотивируется в сборнике тем, что он «ещё сильнее, чем Виноградов, подчеркнул роль традиции, сохранности следов былой свободы, роли поместного обычая и поместной курии как охранителей крестьянских интересов»¹.

Статья А. Неусыхина о Петрушевском, опубликованная в этом сборнике, фальшива от начала до конца и сводится к либеральному пустословию о красоте в отличие от красоты, о вдохновении, не совпадающем с импровизацией, о «служении человеческой культуре» и пр. Даже чисто кантианская интерпретация феодализма в книге Петрушевского «Очерки из экономической истории» (1928) представлена в этой статье как эго заслуга, состоящая якобы в попытке рассматривать феодализм «в тесной связи с дру-

гими сторонами жизни, с развитием государства и идеологии». Но среди вороха бессодержательных фраз в этой статье можно встретить и декларацию о том, что все ученики Петрушевского «всю жизнь будут чувствовать на себе его незримое влияние», так как он якобы дал «образчик истинно-научного понимания исторической эволюции», которое является «диалектическим её пониманием» (стр. 16—98). В свою очередь С. В. Бахрушин выступил в этом сборнике с немарксистским утверждением, будто бы теория Петрушевского о «соподчинении сословий» как характерной особенности феодализма «обоснована не только западноевропейским, но и русским материалом» (стр. 42).

В. Ф. Семёнов в этом сборнике попытался реабилитировать открыто антимакистские работы Петрушевского, относящиеся к 20-м годам. В этот период, как известно, Петрушевский перекраивал даже более ранние свои работы на допшианский лад с целью использовать их для борьбы против марксизма, а В. Ф. Семёнов всё-таки пытается доказать, будто Петрушевский делал это «не противореча по существу марксизму» и только «отчасти приближаясь к Дощу». За отсутствием другой аргументации автор столь странных для советского медиевиста заключений ссылается на «интересную непоследовательность» Петрушевского².

Критическая оценка методологических основ и идейных тенденций школы Виноградова—Петрушевского стала вопросом чести для советских медиевистов и вместе с тем серьёзной политической задачей. Следует помнить, что в странах народной демократии происходит сейчас размежевание историографических партий и отношение советских историков к авторитетам прошлого живейшим образом интересует там прогрессивно настроенных медиевистов. Наши студенты, аспиранты и теперь ещё учатся по книгам Виноградова, Петрушевского и др.

¹ Сборник «Средние века» № 2 за 1946 г., стр. 6—9.

² См. сборник «Средние века» № 2 за 1946 г., стр. 239—249.